

— Что тут началось? Что за шум? — услышав возгласы, Цюй Ди поспешно вошёл во внутреннюю часть шатра и помог Ли Цюаню подняться.

Он густо зарос бородой, его лицо исказила суровая гримаса, и он смотрел с укором выпученными, как у вола, глазами:

— А ну, лежать! То есть... лежать на животе! Температура зашкаливает, а ты всё прыгаешь. Совсем старика не жалеешь!

Ли Цюань скорчил страдальческую мину:

— Господин военный врач, я же не хочу раньше времени в гроб лечь...

В лагере все знали: Цюй Ди хоть и ворчлив, но к солдатам относится как отец родной. Вот только Ли Цюань чувствовал, что от такой «родительской заботы» и помереть недолго. Стоило ему заговорить, как он понял, насколько охрип голос — словно в горло насыпали песка, а внутри полыхало обжигающее пламя.

— Вот видишь! Я же велел не шевелиться! — Цюй Ди сокрушённо покачал головой, глядя на его мучения. Немного подумав, он достал из-за пазухи хорошо знакомую Ли Цюаню деревянную шкатулку и протянул её генералу.

— Генерал, промывайте рану утром и вечером, а потом наносите это средство. А я пойду, приготовлю ему ещё отвар.

Договорив, он снова вздохнул:

— Хорошо, что впереди три дня отдыха. Генерал, вы вчера сколько раз... приложились? Нужно же знать меру!

Фань Ло взял шкатулку и мельком взглянул на солдатика, который уже успел с головой зарыться в одеяло. Он медленно кивнул, принимая наставление.

— Тогда... пока парень не поправится, вы уж, генерал, потерпите, — вкрадчиво добавил Цюй Ди. — Всего пару дней, и я верну вам бойца целехоньким — будет резвый, как молодой тигр. Тогда и заездите его, как пожелаете, идёт?

Получив молчаливое согласие, военный врач со спокойной душой удалился. В шатре остались лишь генерал с непроницаемым лицом и притаившийся под одеялом солдат, который, наострив уши, втайне оплакивал свою участь.

Ли Цюань всегда считал себя парнем толстокожим — хоть ножом режь, не пикнет. К тому же в

армии мужеложество не было редкостью, и он понимал, что рано или поздно это случится, так что и горевать особо не стоило. Но всё же он продолжал прятаться в своём коконе, как черепаха, и покраснел так, словно на его лице кипятили воду.

«Стыдобища-то какая!»

Он знал за собой привычку забывать всё спяну, но, как назло, отчётливо помнил события прошлой ночи. Помнил, как в полузабытьи услышал тихий зов и, повинувшись какому-то порыву, сам начал подмахивать генералу, охваченный страстью...

Ли Цюань осторожно выглянул из-под одеяла; его глаза были влажными и блестящими, и он огляделся. Его «прекрасный генерал» стоял у ложа, слегка склонив голову набок, и, судя по всему, уже давно за ним наблюдал. Он покраснел ещё сильнее, лицо приобрело какой-то неопределённый тёмно-багровый оттенок.

— Генерал... — голос прозвучал сухо и хрипло, как у старой утки. Но Ли Цюань был привычен к трудностям, так что стерпел.

Фань Ло лишь слегка нахмурился:

— Хм?

— Тот... вы... откуда вы узнали моё домашнее имя? — замывшись, спросил Ли Цюань. — Я ведь его вам не называл...

Фань Ло, чьё лицо обычно было белым, как нефрит, на мгновение помрачнел. Однако в полумраке шатра Ли Цюань, голова которого шла кругом от жара, ничего не заметил.

Генерал помедлил, а затем рывком поднялся на ложе. Сгрёб перепуганного солдатика в охапку и недовольно рыкнул:

— Спи!

— А! Генерал, генерал, вы же обещали военному врачу Цюю! — вскрикнул Ли Цюань, судорожно вцепившись в одеяло и в ужасе глядя на него.

Фань Ло посмотрел на дрожащего парня, на тёмные круги под его глазами и понял, что прошлой ночью, пожалуй, действительно переборщил. Он и не догадывался, что тело этого закалённого походами воина окажется нежнее, чем у изнеженных юнцов из свиты...

Впрочем, размышлять об этом долго он не стал. Просто притянул Ли Цюаня к себе вместе с одеялом и повторил:

— Спи.

Ли Цюань, кажется, всё понял. Тело его хоть и оставалось напряжённым, но дрожь утихла. Знакомый аромат чистого лотоса коснулся ноздрей, принося с собой странное чувство покоя.

Засыпая, он пробормотал:

— Генерал... мы правда победили?

—...

— Хе-хе, всё кажется, что это сон... Генерал, ущипните меня? Чтобы я проверил... Ой! Генерал, вы правда ущипнули! — солдатик со слезами на глазах уставился на Фань Ло. Тот невозмутимо ухватил его пальцами за щеку и не отпускал.

Фань Ло моргнул и с совершенно невинным видом разжал пальцы.

Глядя на это почти детское лицо, Ли Цюань не выдержал и рассмеялся, но тут же взвыл от боли:

— Ой, моя задница!

—...

— Генерал... — привалившись к плечу Фань Ло, Ли Цюань окончательно размяк. — Генерал, значит, теперь мы наконец-то сможем вернуться домой?

— Ха-ха, этого жалованья ведь хватит сестрёнке на приданое, верно?

Генерал погладил солдата по голове, сохраняя молчание. Лишь когда Ли Цюань почти провалился в сон, он негромко произнёс:

— Нет.

— А?

В темноте шатра генерал неподвижно смотрел в потолок. Голос его звучал ровно и бесстрастно:

— Через три дня выступаем на Ючжоу.

Ли Цюань резко вскочил. Резкая боль в пояснице заставила его судорожно выдохнуть и задрожать, но он продолжал во все глаза смотреть на генерала.

Взгляд Фань Ло был подобен глубокому омуту — бездонному и таинственному. Холодный блеск, иногда проскальзывавший в его глазах, заставлял Ли Цюаня зябко ежиться.

Генерал, чеканя каждое слово, произнёс:

— Западные варвары нарушили границу. Идём на Ючжоу.

Ли Цюань опешил. Он всё ещё помнил, как чуть больше месяца назад был всего лишь безвестным лучником в пограничном гарнизоне Западных холмов.

В одно прекрасное утро после тренировки его начальник, главнокомандующий Цзян, ударил в гонг и прокричал с помоста:

— Эти ублюдки из Западных варваров! Смели разорвать договор и нагло вторглись на наши земли! Позапрошлой ночью вырезали больше сотни дворов в деревне под горой! Такое терпеть нельзя!

Слюна летела во все стороны, а козлиная бородка Цзяна гневно подпрыгивала:

— Государь приказал Маркизу Чжэньюаню, нашему Богу войны, защищающему государство, возглавить войска и отбросить врага! Парни, вы сами всё понимаете! Армию кормят годами ради одного момента! Настал час защитить родину!

Едва он замолк, несколько солдат, чьи семьи жили в той самой деревне, вскинули руки. Их глаза налились кровью от ярости.

Ли Цюань же колебался. Армия Маркиза — это не деревенский гарнизон, там за любую оплошность можно головы лишиться.

Начальник Цзян медленно обвёл строй взглядом. Видя, что желающих немного, он снова дёрнул бородкой. Окинув взором поношенное обмундирование своих оборванцев, он тяжело вздохнул. В этой глуши высокие слова о долге перед страной значили куда меньше, чем плотный завтрак.

Стиснув зубы и пересилив жадность, Цзян выставил три пальца:

— Тем, кто пойдёт к Маркизу, я — хоть в ноги ему поклонюсь — выбью обещание: жалованье поднимут на тридцать процентов!

Ли Цюань вскинул руку быстрее, чем успел подумать — само тело сработало, как спущенная тетива.

На самом деле Ли Цюань не был трусом. Просто у него была привязанность, которая была дороже жизни — сестрёнка, ждавшая его дома. Ради звонких монет он и решил рискнуть головой.

Парню повезло: ещё в пограничном отряде он славился как меткий стрелок. Пара добрых слов от начальника Цзяна — и вот он уже в личной гвардии Маркиза, где как раз не хватало лучника.

Там он встретил ворчливого, но доброго Ван Ху, и Чжао Сы, который вечно скалил зубы и подшучивал над ним. Встретил военного врача Цюя с душой праведника, утончённого военного советника Фана и красавца Бай Фэна, вечно прикрывавшего его огрехи.

И теперь — генерал, лежащий с ним на одном ложе. Вспыльчивый, прямой... генерал, который без доспехов совсем не походил на военачальника.

Ли Цюань знал — все они хорошие люди. Никто не смеялся над его деревенским происхождением или скромными мечтами. А старики в деревне учили: «Эр Гоуцзы, будь благодарен. Кто к тебе с добром, того помни вечно».

Ли Цюань замер, пристально глядя на Фань Ло.

Он давно подметил: когда генерал расслаблен, уголки его глаз чуть приподняты, и взгляд кажется безмятежным, словно тихая заводь в лесу, сквозь листву которой проглядывает солнце. Но когда он о чём-то тревожится или погружён в думы, лицо становится застывшим, а взгляд становится подобен глубокому колодцу — тёмному и холодному.

Ли Цюаню больше нравился «расслабленный» генерал. Но выбирать не приходилось.

Сейчас Фань Ло был напряжён и хмурился.

Солдатик вспомнил слова умирающего воина варваров. Тот говорил, что это Великая Цзинь нарушила договор, вторглась первой... Ли Цюань не был дураком: зачем умирающему лгать, пытаясь посеять смуту?

Ючжоу находится рядом с Ичжоу. До столицы Западных варваров оттуда рукой подать.

Впрочем, Ли Цюань понимал и другое: о чём можно спрашивать, а о чём — лучше помалкивать.

Он моргнул, чуть подался вперёд и осторожно выставил перед генералом три пальца:

— Генерал, если вы накинете мне ещё тридцать процентов к жалованью... тогда и в Ичжоу, и в Ючжоу, хоть в Великой Цзинь, хоть у варваров — я, Ли Цюань, всегда буду рядом. Буду беречь вас и защищать. Договорились?

Теперь пришла очередь Фань Ло недоуменно хлопать глазами. Он почти забыл, что он — полководец, а Ли Цюань — лишь подчинённый. Приказы не обсуждают, а этот парень торговался с ним, как торговец собачатиной на площади Цайши.

Маркиз лишь прикидывал про себя: хватит ли его офицерского жалованья первого ранга, чтобы прокормить одного наглого стрелка?

— Будешь рядом со мной? — переспросил Фань Ло.

Ли Цюань расплылся в улыбке, обнажая глубокие ямочки на щеках:

— Ага, генерал. Раз сказал — значит, буду. Куда бы вы ни пошли. Только не забудьте — плюс тридцать процентов! Это моя последняя цена!

Сказав это и не дожидаясь ответа, он снова нырнул под одеяло, пряча горящее лицо.

Фань Ло замер в оцепенении. Лишь спустя время до него начал доходить смысл этих слов, принося с собой волну тепла, разлившуюся в груди.

«До самого конца?»

Он ошеломлённо смотрел в потолок. За всю жизнь никто и никогда не говорил ему ничего подобного. И этот солдатик по имени Ли Цюань снова стал для него первым...

Через три дня, когда армия Чжэньюаня готовилась сняться с лагеря, Фань Ло получил указ, составленный Военным министром — отцом военного советника Фана — и скреплённый императорской печатью.

«Враг наступает на Ючжоу. Маркизу Чжэньюаню — возглавить войско и сокрушить неприятеля!»

Всего несколько слов заставили Фань Ло едва заметно усмехнуться. Он поднял взгляд на десятитысячное войско, взмахнул краем боевого плаща и указал в сторону земель варваров.

— Снова в бой!

— Слушаемся! — взметнулись знамёна. Рёв десяти тысяч глоток сотряс небеса.

<http://bllate.org/book/17414/1657991>